

Бесконечный снегопад не прекращался уже больше месяца. В Управлении астрономии предупредили, что небесные знамения не сулят добра и велика опасность стихийных бедствий. И действительно, северные области страны, охваченные лютыми морозами, накрыла свирепая эпидемия. Двор спешно направил туда врачей, одновременно выделив средства на закупку лекарств и помощь населению.

Однако вести из провинций приходили одна страшнее другой: то и дело приходилось сжигать целые деревни и оставлять города, чтобы остановить распространение заразы. Число жертв среди подданных Чжао росло с каждым днем. Узнав об этом, Чу Чанси принял решение отправиться в пострадавшие районы вместе с императорскими врачами.

Когда Чжао Цзиньюй услышал эту новость, он как раз разбирал донесения. В основном это были рутинные отчеты о благополучии, но Чжао Цзиньюй, не желая утруждать Чу Чанси, предпочитал справляться с ними в одиночку.

В тот день он был поглощен бумагами, когда Ван Цин, вне себя от волнения, вбежал в кабинет:

— Ваше Величество, пришел Вэй Ци из дворца Чжияй. Докладывает, что императрица посетила Управление императорских врачей, а вернувшись, приказал собирать вещи — собирается отправиться в охваченные болезнью земли.

Чжао Цзиньюй поднял голову от стола, и лицо его мгновенно переменилось:

— Ты сказал, куда собирается Чанси?

— Императрица хочет сопровождать врачей... чтобы лечить эпидемию.

Кисточка с красной тушью выпала из его рук, оставив на бумагах расплывчатое алое пятно.

Чжао Цзиньюй ежедневно получал отчеты об эпидемии и прекрасно знал, что нынешняя вспышка страшнее всех предыдущих. Он понимал, что Чанси не может оставаться в стороне, зная, как глубоко тот печется о народе и судьбах страны.

Но...

Когда он еще был наследным принцем, Чанси уже однажды ездил в провинцию бороться с чумой. Тогда он вернулся живым, но лишь чудом избежал смерти. А теперь, после того как он избавился от гу, его здоровье было подорвано, а боевые навыки — уже не те, что прежде.

Если Чанси отправится туда, то как император, он не сможет последовать за ним, как делал это много лет назад...

На мгновение Чжао Цзиньюй застыл, а затем его охватило невыносимое чувство тревоги и страха.

Бросив на столе незаконченные дела, он, не раздумывая, поспешил во дворец Чжиюй. Сначала он еще пытался обдумать, как убедить Чанси остаться, но вскоре сердце охватила такая паника, что мысли спутались.

Снег еще не успел растаять. Чжао Цзиньюй, не обращая внимания на ледяной ветер, шагал прямо по сугробам. Ван Цин и евнухи, несущие плащи, едва поспевали за ним.

Чжао Цзиньюй уже давно не чувствовал такого страха.

Ворвавшись в покои, он увидел лишь маленького Чжао Чэнсюаня, нового наследника престола, который спал на кушетке. С того дня, как он оставил мальчишку на попечение Чу Чанси, того позволили оставить здесь.

Охваченный отчаянием, он развернулся, чтобы броситься на поиски, но у самых дверей столкнулся с Чу Чанси и Вэй Ци, который держал дорожные сумки.

— Чанси, куда ты собрался? — поспешно спросил Чжао Цзиньюй.

Чу Чанси стоял в белых одеждах, с нефритовой заколкой в волосах и мечом у пояса. Его облик был подобен небесному божеству, а холодное, безупречное лицо отражало бескрайнюю снежную даль за его спиной. Взгляд его был ясен. Казалось, он уже знал, зачем пришел Чжао Цзиньюй, и ответил лишь сухо:

— Иду спасти людей. Как раз собирался зайти к тебе попрощаться.

Прощаться?

Сердце Чжао Цзиньюя рухнуло в бездну, перед глазами потемнело.

— Я уже отправил туда врачей... — начал он, пытаясь привести доводы, которые выстраивал по пути, но, увидев решимость в глазах любимого, понял, что все бесполезно. Он не сдержался и взмолился: — Чанси, тебе не нужно ехать самому. Скажи, что нужно сделать, и я отдам все приказы, разве этого недостаточно? Если врачей не хватает, я пришлю еще. Твое здоровье...

— Каждый день промедления — это новые жертвы.

— Но ты должен беречь себя! — он бежал сюда так быстро, что продрог до костей, его пальцы онемели от холода, и он не решился коснуться кожи Чу Чанси, лишь вцепился в рукав его халата, жалобно дернув за него.

Чу Чанси нахмурился:

— Со мной ничего не случится. Ты мне не веришь?

— Верю, — голос Чжао Цзиньюя дрожал от беспомощности. Он хотел обнять его, но знал, что слишком холоден, поэтому лишь крепче сжал рукав. — Но ведь не обязательно ехать именно тебе.

— Если я не поеду, как я узнаю природу болезни и разработаю лекарство?

Чжао Цзинъюй замолчал, не зная, что ответить.

— Тогда... разреши мне поехать с тобой? — он знал, что эта просьба разочарует Чанси, но не мог сдержаться. Он заранее знал ответ.

— Государство не может оставаться без правителя, — брови Чу Чанси подернулись инеем, лицо стало бледным, как снег вокруг. Он высвободил рукав из рук императора. — Если ты поступишь так, что станет с Чжао?

Именно такой реакции он и ожидал.

Чжао Цзинъюй смотрел, как белая ткань ускользает из его пальцев. Ему было невыносимо больно: стоило ему сделать хоть шаг в сторону от своего долга, как Чу Чанси тут же холодел к нему.

— Чанси... — Чу Чанси не знал, какая тяжесть лежит на плечах императора, словно невидимые кандалы, не дающие вздохнуть.

Чжао Цзинъюй, полный обиды, потянулся к его руке. Охваченный страхом и бессилием, он хрипло прошептал:

— Я не разочарую тебя. Я буду исполнять свой долг, клянусь. Но... ты не можешь оставить меня. Ты едешь так далеко, а если что-то случится? Я не вижу тебя, я не рядом, как я могу быть спокоен? Ты не можешь... не можешь бросить меня здесь в страхе. Мне страшно, очень страшно...

Чу Чанси, чья фигура на фоне снега казалась лишь легким наброском на картине, спокойно смотрел на него. Он не стал отвечать на мольбы, а лишь сказал:

— Я знаю, что ты не разочаруешь меня. Я верю тебе.

Верит?

Чанси сказал, что верит, и он должен был радоваться. Но почему тогда...

Чжао Цзинъюй, видя его спокойствие, не смог больше вымолвить ни слова мольбы. Вся сладость, что наполняла его сердце в последнее время, словно испарилась.

Внутри стало пусто, больно и холодно. Спустя долгое время он разжал пальцы, закрыл глаза и дрожащим голосом ответил:

— Да. Я не разочарую тебя. Все будет так, как ты хочешь.

— Хорошо, — ответил Чу Чанси и повернулся, чтобы уйти. Снова повалил густой снег, скрывая мир в белой пелене.

Чжао Цзиньюй сделал несколько шагов следом, стряхивая снег с его плеч, и постарался говорить ровно:

— Я на все согласен, Чанси. Но пообещай мне... обязательно вернись. Живым и невредимым.

Чу Чанси остановился, посмотрел на него, но промолчал. Он взял зонт, который протянул Вэй Ци, и раскрыл его над ними обоими. Чжао Цзиньюй упрямо смотрел на него, ожидая обещания. Чу Чанси, казалось, хотел что-то сказать, но в итоге лишь двинулся дальше. Чжао Цзиньюй остался стоять на месте, засыпанный снегом, глядя ему в спину.

— Чу Чанси! — Чжао Цзиньюй, забыв обо всем, догнал его и заключил в объятия, прижавшись своим лбом к его лбу, тяжело дыша от сдерживаемой обиды. — Тогда поцелуй меня. Поцелуй меня по своей воле, и я отпущу тебя.

Чу Чанси лишь молчал.

Чжао Цзиньюй успокоился, бережно смахнул снежинки с его бровей и волос, выдавил из себя слабую улыбку, терпеливо ожидая.

— Вечно ты... ведешь себя как ребенок, — проговорил Чу Чанси, опуская ресницы и приближаясь. Ветер кружил снег, зонт выпал из рук и улетел прочь. Их губы встретились — ледяные, но согревающие друг друга.

Вэй Ци, бросившийся за зонтом, обернулся и увидел их целующимися посреди метели. Зонт унесло еще дальше.

В этот раз Чжао Цзиньюй не проявлял инициативы, полностью отдаваясь воле Чу Чанси. Когда тот отстранился, ресницы императора были покрыты снегом, а глаза блестели, словно омытые водой.

— Ты обязан вернуться, — голос его дрогнул от рыданий. — Я буду ждать.

Чу Чанси развернулся и ушел. Вэй Ци с поклажей молча последовал за ним.

Чжао Цзиньюй хотел пойти следом, но ноги словно налились свинцом, каждый шаг давался с трудом.

Нельзя разочаровывать Чанси. Он должен быть хорошим императором, не предать свой народ.

Чжао Цзиньюй бездумно твердил это про себя.

Снег падал хлопьями, напоминая тот год, когда они вместе искали реку, чтобы запустить фонарики. Тогда, даже под зонтом, на него нападало много снега, а его белые одежды сливались с белизной мира. Где теперь искать его? Эта сцена напомнила ему их первую встречу — юношу, вышедшего из снега. Теперь же он уходил от него в ту же снежную даль. Сердце Чжао Цзиньюя пронзила острая, онемевшая боль.

— Если ты не вернешься, зачем мне тогда этот мир, о котором я должен заботиться...

Это было похоже на те слова, что он сказал тогда: Иди, я последую за тобой в жизни и смерти.

Он даже подумал: с какой стати он обязан быть хорошим императором? Если Чу Чанси не вернется, он готов разрушить весь мир!

В тот момент, несмотря на охвативший его ужас, он был готов поклясться, что будет угрожать этим миром, лишь бы дождаться его возвращения. Но он не знал, что, когда наступит этот миг, выбора у него не будет. Это путь, который проложил для него Чу Чанси, и пока он любит, он не сойдет с него ни на шаг.

Его ладонь вдруг сжала маленькая ручка. Чжао Цзиньюй опустил глаза и увидел Чжао Чэнсюаня, который смотрел на него снизу вверх. Его глаза были такими же прозрачными, как у Чу Чанси. Видимо, мальчик проснулся, услышав шум.

Он посмотрел на удаляющуюся фигуру и сжал руку императора крепче:

— Куда ушел папа? Он вернется?

— Конечно вернется, — Чжао Цзиньюй поджал губы. — Делай свои уроки прилежно, иначе папа не будет тебя любить.

Чжао Чэнсюань посмотрел на белую пустоту, где уже никого не было видно, надул губы, сдерживая слезы:

— Император-отец тоже должен хорошо учиться, иначе папа и тебя не будет любить.

— Верно, — Чжао Цзиньюй криво усмехнулся и пробормотал: — Если я не буду хорошим императором, он меня разлюбит...

— Тогда пойдемте, отец, вернемся к занятиям. Папа хвалил меня в эти дни.

— За что хвалил?

— Сказал, что я похож на отца в детстве.

Чжао Цзиньюй:

— Твой папа вовсе не хвалил тебя этими словами.

— А что тогда?

— Ругал. Вернее, ругал нас обоих.

За пределами дворца карета уже давно ждала в снегу. Увидев Чу Чанси с телохранителем, врачи поспешили опуститься на колени. Кивнув им, Чу Чанси сел в карету.

Когда они тронулись в путь, он спросил Систему:

— Что делает главный герой после моего ухода?

— Вернулся к донесениям, но что-то бормочет под нос.

— Что именно?

Система, подражая тону героя, ответила:

— С Чанси ничего не случится, он силен, яды ему не страшны, ничего не случится... он не бросит меня... и все в таком духе.

Не сумев в точности передать интонацию, Система сдалась:

— Словно одержимый.

Не дожидаясь вопроса, Система добавила:

— Кажется, он плакал... Хозяин, линия сюжета в этой ячейке почти погасла!

— Не волнуйся, — спокойно ответил Чу Чанси. — Не погаснет. Найди мне несколько медицинских книг, подходящих для этого мира. Побольше. Судя по описанию симптомов, эта эпидемия будет не из легких.

<http://bllate.org/book/19901/1959235>